

Дизайн автора

CRAZY HORSE

– Для “Бешеной лошади” тебе нужен вечерний костюм, – сказал Винсент. – Так тебя не пустят.

– Что за чушь? – сказал я.

Мы кружили по окраине Парижа, уже совсем не такой, как центр, ничуть не напоминавшей его, – так не вычисляется и мой город по близости его окраин – мы кружили в поисках скоростной трассы на Версаль, и я сказал: “Что за чушь?”

– Это все равно что Мулен Руж или Фоли Бержер, – сказал Винсент, – только посовременней, без перьев. Это для уважаемого класса, для буржуазии. Нищий, может быть, и наскребет двести – триста франков на “Бешеную лошадь”, но у него нет вечернего костюма.

– Значит, и я выгляжу нищим?

– Нет, ты выглядишь как иностранный турист. Ты можешь ходить в чем попало.

– А ты?

– Я тоже могу ходить в чем попало. Я студент. Но, если надо, я могу надеть вечерний костюм.

– А мне говорили, что Запад на шмотки не смотрит.

– Тот, кто тебе это сказал, слишком хорошего мнения о Западе.

– А ты?

– Я Запад не знаю, я еще не ездил по Западу, только собираюсь. Но я знаю Париж. В Париже смотрят только на шмотки.

– Не верю.

– Это потому, что ты нас не знаешь. Ты смотришь на дворцы, на картины. А если бы заглянул в наши лица...

– Но я заглядываю. Я люблю лица.

– Ты смотришь на них снаружи. Ты не можешь заглянуть внутрь. Внутри парижане полны зависти и жадности. Один бог знает, как я ненавижу Париж.

– Ты просто устал от него. Тебе надо поехать.

– Да, мне надо поехать.

– Приезжай в Петербург.

– Да, я приеду в Петербург.

– Петербург очень красивый город. Почти такой же красивый, как Париж.

– Да, я слышал.

– Но я от него тоже устал. Я вижу, что он красив, не чаще раза в месяц. Остальное время я его не замечаю. Или прячусь от него. Красота – это очень агрессивная штука. Как красота женщины. Она притягивает без всякого смысла. А у меня много дел.

– У меня тоже много дел. У меня еще не сданы два зачета, один – по английскому. Хорошо, что мы с тобой говорим по-английски.

– Да, вроде, понимаем друг друга.

Тем временем мы наконец выскочили на скоростную трассу, безжалостно прорубленную в давно обжитом пространстве, и пошли, пошли... Описывать скоростную трассу я не буду, пусть автолюбители молча мне позавидуют. Наверно, мы еще не доросли до скоростных трасс. Мы и простые дороги не спешим прокладывать. Бездорожье – это, наверное, чисто российское понятие, почти философское. И я бы не стал огульно ругать бездорожье. Что-то в нем есть... И я бы не стал нас ни с кем сравнивать: мы просто другие.

– Где же мне взять вечерний костюм? – сказал я.

– Я дам тебе свой. У меня хороший вечерний костюм, из хорошего магазина. Тебя оценят.

– У меня тоже хороший вечерний костюм, – сказал я, – финский. Дома у меня даже два вечерних костюма. И все-таки я не замечал, чтобы здесь кто-нибудь оценивал меня по одежде.

– Повторяю – ты турист. Они сразу понимают – ты турист. К тебе нет претензий. Ты выпадаешь из колоды. Все остальные в колоде, и каждого вычисляют с одного взгляда. По галстуку, по пуговицам, по авторучке, по обуви, по ремню. Тебе кажется, что ты одет ничуть не хуже вот того дяди в "мерседесе", что у тебя все такое же, как у него, но здесь это не проходит. Здесь сразу поймут, что прибарахлился ты у Тати или на Блошином рынке. Респектабельный человек обязательно имеет при себе знак своей респектабельности, если даже он в драных джинсах. Ты поймешь это по его фотоаппарату, или по его часам, или по золотой цепочке на шее, или по очкам. Ты знаешь, что нормальные очки здесь могут позволить себе только зажиточные люди? Наше общество – это кастовое общество, каждый принадлежит к какой-нибудь касте, и каждого сразу вычисляют. Вон тот дядя в "мерседесе" ни за что бы не пересел в мой "фольксваген". "Мерседес" – это его уровень жизни. Здесь каждый везет по дороге свой уровень. Он смотрит на меня и думает: "Этот студентиска..." Но я молод, у меня все впереди. Я тоже куплю "мерседес". А если бы ты сидел за моим рулем, он бы подумал: "Этот жалкий неудачник..." Потому что для твоего возраста требуется другая машина.

Кофейно-золотистый "мерседес" понял, что мы говорим о нем, наддал и ушел вперед, надменно повиливая хвостом выхлопного дымка.

– Здесь людей оценивают не по тому, что они значат, а по банковскому счету, – закончил Винсент классической фразой из «Капитала» Маркса.

Вечерний костюм оказался мне почти впору. Правда, рукава и брюки несколько длинноваты, но если засунуть руки в карманы, то в самый раз. Галстука не нашлось, но к этому костюму полагалась бабочка. Как ее завязать, мы с Винсентом не знали. Не знал этого и портье, и только какая-то пожилая туристка, поколдовав над полосатой тряпочкой, превратила-таки ее в бабочку. Бабочка получилась элегантной, я тоже получился вполне элегантным. Элегантность – это то самое, что прежде всего приходит в голову, когда думаешь о Париже и парижанах. Однако у меня не было элегантной машины и более того – я не мог взять даже такси, и все потому, что я забыл пополнить кошелек из моего личного гостиничного сейфа. Там это все хранилось под выданным

мне ключом. Ключ стоил целых сто пятьдесят франков, и его нельзя было потерять. Куда бы я ни шел, я все время помнил о ключе. Не так-то просто получать удовольствия, если ты ни на минуту не можешь отключиться от ключа. Ключ перекочевал теперь в потайной карманчик Винсентовых брюк, и я уже заранее волновался: как бы не забыть его там, когда буду их отдавать.

Сейф обслуживался только до восьми вечера. Мой ключ был последней точкой в многоточии открывания, остальными ключами действовал портье. Остальных уже не было, они тоже были в сейфе. Когда я открывал свою сокровищницу, портье делал два шага назад и смотрел в сторону. Чужое уважалось. На чужой каравай рот не разевай.

Такие деньги, как у меня, можно было и не прятать. Но мне посоветовали. Оставлять их в номере не полагалось, дабы не искушать гостиничные службы, а брать с собой на улицу было опасно – их могли отнять. Вместе с жизнью, если бы ты вздумал призывать к уважению своей собственности. На улице, предупреждали меня, много воров и наркоманов. Если к тебе подошел наркоман, надо просто отдавать все, что у тебя есть, без разговоров, тем более на непонятном ему языке. Поэтому лучше отдавать карманный минимум.

Моему карманному минимуму не доставало десяти франков, чтобы я пошел на "Крейзи Хорс", то есть на "Бешеную лошадь". Это обнаружилось слишком поздно, когда Винсент уехал. У меня было все, включая бабочку, которая, как заверили меня, вполне заменяет галстук в уважаемых местах, но у меня не хватало десяти франков, чтобы провести уважительно вечер. И никто не мог мне их дать. Я было сунулся к портье – все-таки свой человек – но он твердо покачал головой, у него в кассе не было таких денег. То, как он покачал головой, сказало мне, что они есть, но что просьба моя бестактна. О том же, что у него наверняка и при себе есть эта проклятая мелочуга, даже думать было неприлично.

Тогда я вспомнил, что у меня осталось десять немецких марок – монетами, и каждая из них, вроде бы, в три раза дороже французского франка, но портье сказал, что инвалюту он не меняет. Тогда я пошел в китайский ресторан, где уже два раза обедал и где меня должны были помнить. Китайцы, впрочем, я не уверен, что это были они, хотя вывеска гласила, что ресторан точно – китайский, китайцы, или не китайцы, приветствовали меня приклеенной азиатской улыбкой, по которой нельзя было понять, вспомнили они меня или нет, но я сделал вид, что вспомнили, и тут же выложил им свою просьбу вместе со всеми десятью западногерманскими марками. Понимая, что я совершаю незаконную валютную операцию, хоть и очень мелких размеров, я готов был обменять их один к одному; Но не китайцы меня не поняли, будто никогда не имели дело с марками. Почему-то они стали пробовать их на зуб.

— Это очень хорошие деньги! – суетился я. – Я их отдаю всего за десять франков! – и мысленно я добавлял, что готов пожертвовать законными двадцатью, хотя они мне так нужны на такси.

– У вас не хватает десяти франков? – сказал большой смуглый толстяк, по виду латиноамериканец, сидевший тут же за столом. В нем я сразу признал одного из туристов нашего отеля. Мы завтракали в одно время.

– Да всего десяти! – готовно повернулся я к нему. – Понимаете, мои деньги в сейфе, а сейф только до восьми, а хочется посмотреть "Бешеную лошадь".

– "Бешеная лошадь" – это хорошо, – причмокнул толстяк толстыми черно-синими губами. – Я вчера смотрел. Это очень хороший шоу. – И он поцеловал щепотку толстых пальцев.

– Ну вот, а из-за каких-то десяти франков, которые я готов завтра же утром за завтраком отдать...

– Да, вам не повезло, – покачал головой толстяк. – "Крейзи хорс", это стоит посмотреть. Это очень, очень... – И он снова принялся за свое китайское блюдо.

Времени было в обрез, времени было только, чтобы пробежать в своей уважительности полгорода до "Бешеной лошади", а десятью франками даже не пахло. И тут я вспомнил о другом

ресторанчике на этой же улице Комартен, куда не заходил, но название которого "Славия" как-то сразу приглянулось. Славяне мне не откажут, думал я на бегу, неизвестно почему убежденный, что найду там какие-то общие корни. За стойкой бара стояла смуглая женщина моих лет, перед ней на высоком табурете сидел посетитель. Они говорили по-французски.

– Мадам, – сказал я – простите, вы не говорите по-английски?

– Да, – сказала она.

– Добрый вечер, мадам, – сказал я. – У меня к вам несколько неожиданная просьба. Я живу рядом с вами вот в этом отеле, – и я показал визитку. – И у меня не хватает десяти франков, чтобы посмотреть сегодня вечером "Бешеную лошадь", мои деньги в сейфе, а сейф закрыли в восемь вечера. Но зато у меня есть десять немецких...

– Десять франков? – улыбаясь, перебила меня смуглая женщина. У нее была прекрасная белозубая улыбка. – Какой пустяк. Вот вам десять франков, – сказала она, даже не взглянув на мои марку, и две монеты щелкнули по стойке бара.

– Спасибо, мадам, – сказал я, – огромное спасибо! Я вам завтра утром верну.

– Какой пустяк, – сказала она, продолжая прекрасно улыбаться. Посетитель тоже улыбался. Видимо, между ними что-то было...

"Славянские женщины – лучшие женщины в мире!" – думал я на бегу, хотя наверняка имел дело с француженкой, настоящей француженкой.

Рассказать ли, как я – руки в карманах брюк, – как я бежал, то есть шел в темпе бега? Въедливый читатель – думаю, до такого я не доживу – мог бы по карте проследить мой маршрут: все через ту же площадь Согласия, ставшую такой привычной, словно я сто лет тут жил, и дальше, по Елисейским полям. Где-то я срезал угол, чтобы не делать лишний крюк, там-то я и прокрутился десять минут моего впритык рассчитанного времени.

Описать ли богатые особняки, мимо которых я пробежал, особняки или очень дорогие, для знати, отели, где меня провожали внимательным взглядом стоящие у входа охранники с собаками, молча натягивающими в мою сторону поводок? Наверно, я представлял собой странное зрелище, даже не странное, а подозрительное, ибо со мной наверняка что-то стряслось, ибо в таком костюме я должен был сидеть за рулем машины, ну может, и не "мерседеса", но, по крайней мере, – "БМВ". Наверно, у меня ее только что угнали, или я поссорился со своей богатой невестой и на всем ходу выскочил из ее "ламборджини" и, наверно, по инерции еще бежал за ним, чтобы добавить в окошко машины пару крепких выражений в пользу бедных... наверное, не вынеся перебранки, от нас через окошко только что удрала моя любимая собака, и я отчаянно искал ее по закоулкам, где она без всякого уважения к своей редкой породе уже бежала, замирая от счастья, бок о бок с беспорядным кабелем.

Я заблудился, шоу началось. Бешеная Лошадь пустилась вскачь, и можно было тихо вернуться домой, раздеться, развязать бабочку без всякой попытки запомнить ход узла, залезть в теплую ванну, полную пены, и развернуть к себе лицом цветной "грюндиг", все программы которого показывали одно и то же – как кого-то преследуют и убивают или собираются убить. Я было сунулся с вопросом к единственной попавшейся на пути прохожей, пожилой и прилично одетой, но она шарахнулась от меня с такой яростью страха, что я понял, что не знаю правил поведения на безлюдных респектабельных парижских улицах где-то не очень далеко от Авеню Георга V, которую мне теперь уже никогда не найти. По вечерам здесь не ходили, здесь только ездили.

И все же мне повезло – как раз перед моим носом подрулила и встала машина, то ли "пежо", то ли "рено", то ли "альфа ромео", и молодость в виде красивой пары шагнула на тротуар. Они спешили, они были званы. В руке у девушки был огромный букет цветов.

– Простите, мадмуазель, – сказал я, – вы не говорите по-английски?

– Говорю, – охотно откликнулась мадмуазель.

– Еще раз простите, – сказал я, как бы заодно извиняясь и перед ее спутником. – Вы не подскажете, как добраться до "Бешеной лошади"? Я что-то заблудился.

– О, это совсем рядом, – сказала она. – Вы пойдете так, так и так...

Говорила она бегло, и ей хотелось, чтобы ее молодой человек – это оценил. И потом я был их круга, на мне был почти такой же вечерний костюм, как на нем.

– Ах, спасибо, мадмуазель, – щелкнул я каблуками. Каблуки были мои собственные, но в темноте их было не видно. – Ах, спасибо, мадмуазель! Вы меня спасли! – И мне даже показалось, что она чуть пожалела, что я не зван вместе с ними.

Как вовремя я ввернул это самое словечко "мадмуазель"! Мне всегда стоило некоторого интеллектуального усилия вспомнить, чем оно отличается от "мадам".

Почти бездыханный, я достиг наконец дома номер двенадцать на Авеню Георга V, ударили в глаза знакомые по рекламе огни, и некто в роскошной форме ковбоя, без лошади пасшийся на тротуаре, сказал мне:

– Добро пожаловать, сэр!

Я спустился по широким ступенькам и оказался в просторном холле с зеркалами, блеском и ненавязчивой потертостью. В конце холла, в узком проходе, за загородкой возле кассового аппарата скучала молодая курчавая шатенка. Зевая, она потянулась, закинув руки за голову, и я увидел ее курчавые подмышки. Из-за полуоткрытых дверей сквозь музыку доносился гомон голосов.

– Один билет, – сказал я. Раз меня приветствовали наверху, значит, билеты еще были.

– Все там, там, проходите! – небрежно махнула кассирша рукой, как отмахнулась. Это я уже заметил: для парижан иностранцы как бы некоторая докуча.

Сравнительно небольшой зал с баром во всю заднюю стену был полон. К сцене зал сильно понижался и был заставлен столиками. Столики были, естественно, заняты, вообще, все было занято, только у бара еще можно было протолкнуться. Мулен Руж объелся груш, Фоли Бержер проела моль, а Крейзи Хорс – это было самое то. Все иностранные туристы ходили на Крейзи Хорс.

Едва я вошел, как свет погас, музыка умолкла, но тут же загремела по новой, и по portalу сцены заскакали огоньки. Занавес распахнулся, и представление началось. То есть с радостными криками выбежали девушки в спортивной форме и занялись гимнастикой, или скорее аэробикой. Приглядевшись, я понял, что на них ничего нет, кроме света в полоску. Отсутствие одежды легче всего было определить по пушистым напудренным лобкам. Я смотрел на сцену, но перед моими глазами еще стоял освещенный зал. Он был великолепен. Все были в вечерних костюмах с галстуками. За столиками возле сцены – самыми дорогими, конечно, – сидели люди постарше; их богатство росло соответственно их годам, и теперь они могли себе позволить везде занимать самые дорогие места. Соответственно этому и был набит зал. Он молодел по мере удаления от сцены. Возле бара он был моложе меня лет на десять-двадцать. Мне все-таки приличествовало место хотя бы за самым последним столиком, но там тоже было занято. К тому же теперь, в темноте, возраст мой не угадывался.

Вообще, когда стало темно, у меня мелькнула мыслишка, что платить-то ни за что не придется. Что я просочился под шумок и теперь спокойно посмотрю шоу, сэкономив те самые 195 франков, которые полагалось истратить у стойки бара. Плата взималась как бы за питье, а спектакль прилагался как бы бесплатно. Пить я не собирался. Номера сменяли друг друга, «одежда» на девушках тоже варьировалась, то есть прожектора все время меняли конфигурацию полосок. В зале же тем временем зажглись огоньки фонариков – это официанты, как светляки, поползли к столам, ибо к началу представления столы были пусты. Сервис шел в темноте. Но я-то

не сидел за столом, я просто стоял в толпе, едва ли вырисовываясь из-за чьего-то каменного плеча, и пить не собирался. Сто девяносто пять франков мелкой монетой – можно было их вытаскивать по одному, пока наркоман или грабитель не скажет: "Хватит!" – сто девяносто пять франков я завтра мог истратить на что-нибудь полезное. Полезного было сколько угодно и не дороже ста девяносто пяти франков.

Уже номеров шесть прошло – всего их должно было быть пятнадцать – а на меня, похоже, никто не обращал внимания. Кто хотел, тот уже держал толстый фужер, потягивая из него. Это их личное дело. Сзади у бара шла суета, бармен разливал напитки, и официанты обносили ими всех желающих, я же ничего такого не желал, я просто смотрел на сцену, зал меня больше не интересовал. Каково же было мое удивление, когда и возле меня вспыхнул светляк, и официант вежливо, но требовательно спросил: – Что будете пить, месье?

Как мне хотелось ему сказать, что я не пью, что я убежденный трезвенник, но вместо этого я сказал:

– Если можно, вина.

– У нас только пиво и виски, месье, – сухо сказал официант. Виски, по моим понятиям, хоть и не тянуло на сто девяносто пять франков, но как бы более перекрывало тот материальный ущерб, который мне собирались нанести.

– Виски, – сказал я. И тут же получил виски. Я уже сжал в кармане всю горсть монет, но официант куда-то исчез. Видимо, он решил, что у меня есть билет, подумал я, что я уже где-то там – заплатил, где девушка с кассой и горячими курчавыми подмышками, похожая на Рони Шнайдер из кинофильма «Последнее танго в Париже».. Вот оно как складывалось: я смотрел бесплатно представление, а теперь я его еще запивал пусть нелюбимым, зато бесплатным виски.

Количество номеров подошло к десяти, когда снова появился мой официант, светясь на уровне наших локтей и фужеров.

– С вас сто девяносто пять франков, месье, – сказал он, и я, конечно, тут же их по-честному ему отдал. Я вынул их из кармана и высыпал ему на поднос, и одна монета упала на пол, так что ему с недовольным "пуф!" пришлось ее оттуда выскребать. Все было кончено. Я заплатил за удовольствие. И если я до того уже готов был уйти, то теперь, конечно же, я должен был досмотреть до конца. Девушки и в самом деле были красивы, просто чудо-девушки. Сборная Европы, а то и мира. Никогда не видел за один раз столько красивых девушек, такого однокалиберного великолепия ног, ягодич и грудей. Зал с восторгом аплодировал каждому номеру. Я тоже. Чтобы фужер не помешал аплодировать, я поставил его на стойку бара. Все равно я не мог пить эту гадость. Я аплодировал и больше не чувствовал спиной передвижения светляков. Спина наконец расслабилась. Я за себя заплатил. Я был свободен. За свободу надо платить, это я уже давно понял. Как и за удовольствие.

– Это чей фужер? – услышал я и понял, что официанты выясняют принадлежность моего виски.

– Это вон того месье, – они указывали на меня.

Как они вычисляли в темноте не только каждого из нас, а нас было человек двести, но и двести наших фужеров, для меня навсегда осталось тайной.

Фужер стоял в одиночестве на стойке бара, и никто на него не посягал. Здесь уважали чужую собственность. Светляк высветился передо мной снова и протянул в своей цепкой лапе второй фужер с виски.

– Ваша вторая порция, месье, – твердо, даже с укоризной сказал он, видя, что я не хочу его брать. Она мне была положена.

Девушки уже так примелькались, что было непонятно, одеты они или снова раздеты. Чудо в том и состояло, чтобы соблюсти рамки приличия, то есть респектабельности. Все было очень

прилично, особенно последняя песенка. Да, мы женщины, – конечно, по-английски пели девушки, – да мы женщины и этим гордимся, хотя это и непросто в этом очень мужском мире. Все пятнадцать номеров прошли в хорошем темпе за час сорок три минуты. Девушки работали профессионально, не выказывая усталости, хотя они выдавали до трех представлений в день. Девушек было шестнадцать. Реклама называла их "динамитными". Вспыхнул свет, публика поднялась и потекла к выходу. "Да, мы женщины!" – зачарованно повторял кто-то в галстук. – Да, мы женщины!" Наверху гостей ждали машины. Некоторые уезжали на такси.

Пока я добрался до своего отеля, передо мной тоже несколько раз останавливались такси – негоже было месье в вечернем костюме идти пешком. Некто, прицепившись на опустевших Елисейских полях, зазывал меня в свой ночной ресторан с девочками. Я пообещал ему завтра всенепременно заглянуть. Мое "завтра" его очень оскорбило.

Париж, Париж, ночной Париж, мне грустно.

1988